

БОРИС ЧАЙКОВСКИЙ: ОТЗВУКИ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА

автор Юрий Абдоков

История музыки по утвердившемуся школьному научению представляет собой стройную иерархию сменяющих друг друга эстетических (сиречь – социально-исторических) «измов» (даже не измерений), этакую эволюционистскую лестницу восхождения к грядущему совершенству. Если верить, что только с высоты дарвиновской пирамиды открывается необозримое пространство свершений минувших и грядущих, такое мировосприятие вполне объяснимо и даже оправдано. Но что всё это говорит уму и сердцу тех, кто верит и знает, что подлинная история искусства – это своего рода ноосфера, в которой в принципе не существует дат, где даже прирученный, иллюзорно измеримый хронос устремлён в бесконечность? Обо всём этом невольно задумываешься в наше богатое и даже падкое на юбилейные ритуалы время.

10 сентября 2015 года исполнилось 90 лет со дня рождения Бориса Александровича Чайковского – фигуры знаковой и во многом уникальной для мировой музыкальной культуры XX века. Знаковость эта никоим образом не связана с модными нынче рейтингами, табелями о рангах и прочими ссылками на «общественное мнение», хотя многие сочинения композитора, как и их автор, неоднократно были внесены в различные списки («пятёрки», «десятки» и пр.) высших проявлений человека в музыке. Уникальность Б. Чайковского – в его эстетической чистоте и редкой для новейшего времени творческой, человеческой свободе. Поэтому меня не очень беспокоит и тем более не удивляет отсутствие какого-либо общественно-государственного ажиотажа вокруг этого посмертного юбилея, тем более, что и при жизни Чайковский был не только равнодушен, но всячески противился какой бы то ни было «фестивальности» в отношении себя и своей музыки.

Признаюсь, мне трудно представить моего учителя здесь и сейчас, среди нас, живых. Я имею в виду ту свое-

образную «атмосферную среду», которая сегодня соединяет и разъединяет лица, помыслы, звуки, краски, душевные движения и даёт возможность генерировать поэзию, музыку. И это при том, что зияющая брешь не только в моей личной судьбе, но и в жизни многих последователей и ценителей Б. Чайковского во всём мире, возникшая 7 февраля 1996 года – в день смерти композитора – не зарастает, а, напротив, проявляется с каждым годом всё отчетливее. Место свято, коим видится сегодня земной путь Бориса Александровича среди людей – их радостей и страданий – не

опустело. Оно звучит его музыкой – от потрясающих стилевым и образным совершенством клавирных прелюдий, сочинённых в 11-летнем возрасте, до первоначальных по образам Скрипичного, Виолончельного и Фортепианного концертов; от феноменальных по живописным свойствам Второй и «Севастопольской» симфоний до космогонических «Темы и восьми вариаций», «Ветра Сибири», «Музыки для оркестра», «Знаков Зодиака»; от касающегося небес «Подростка» до по-пушкински поэтичных камерных сочинений; от восхитительных детских радио-сказок и киномузыки

до прощальной «Симфонии с арфой» – звучит едва ли не с большей силой, чем при жизни, в самом сокровенном смысле, освящая огромное пространство вокруг. Ареал этого внутреннего сияния бессмысленно измерять филармоническими и географическими границами. Важно другое: этого пространства никогда не коснётся мерзость запустения. Исполненность, завершённость и достоинство земной судьбы настоящего художника подтверждается, как мне кажется, именно этим. То, ради чего фантастически одарённый мальчик сделал самостоятельный выбор профессиональной стези в начале 30-х годов прошлого века, оправдалось сполна. Чайковский сказал в музыке то слово, которое никто, кроме него, сказать бы не смог, а ведь даже подступы к подобному – реликтовая ценность во все времена. Более того: попробуйте изъять из музыки XX столетия поэтическое наследие Бориса Чайковского – и ей будет нанесён ничем невосполнимый ущерб. О каждом ли художнике, имя которого при жизни «сияло алмазами в небесах», можно сказать такое?

Характерность неподражаемого языка Бориса Чайковского не единожды становилась объектом изучения (от попыток объяснить всё искусственными номинациями неоклассики и постромантизма до сегментарного препарирования по примеру анатомических штудий). Чайковский – едва ли не единственный среди крупнейших отечественных композиторов XX века – наложил категорический запрет на публичное издание каких-либо моно- и биографических трудов о себе при жизни. Да, скромность Бориса Александровича была равновеликой его таланту. Но дело не только в анахоретстве и уж тем более – не в чудачестве. Может возникнуть ощущение, что композитор не видел среди своих гипотетических биографов тех, кто способен на серьёзный, а не распространённый в советские времена тошнотворно-агиографический анализ, когда жизнь здравствующего автора трактовалась едва ли не как житие, и при этом композитору нередко самому приходилось «разжёвывать» для аналитика тонкости своего творческого процесса. Возможно, и так, хотя талантливых и честных людей, стремившихся исследовать «тайнопись» жизни и творчества композитора было больше, чем конъюнктурщиков или восторженных дилетантов, не способных на серьёзный анализ. Такие «аналитики» довольно часто свою навязчивую страсть к предмету исследования любят больше, чем сам предмет. Всё так, но это не было решающим для композитора, с юных лет сосредоточившегося на призвании в себе, а не на обратном. Уверен, Чайковский прекрасно осознавал кто он – не в распространённом нарицательном смысле и не в ощущении своего превосходства над кем бы то ни было, а по части соизмерения своих творческих возможностей с моралью, совестью, в широком смысле – духом данного ему дара от Бога. Мало кто из действительно выдающихся композиторов XX века обладал таким гармоничным сочетанием, фигурально выражаясь – физического и метафизического. Один из немногих среди таких – Н. Я. Мясковский, ставший после В. Я. Шебалина, Д. Д. Шостаковича и Л. Н. Оборина не только последним наставником Чайковского в консерватории, но и образцом достоинства и творческого исповедничества. Не случайно ведь перед самым уходом, когда Борис Александрович прекрасно понимал, что счёт жизни идёт, если не на дни, то в лучшем случае на недели, испытывая всё, что может испытывать смертельно больной человек, твёрдо говорил жене: «Я ещё могу держаться, как Мясковский». Думаю, что

речь шла не только об офицерской выправке, но и о чём-то большем.

Краеугольный камень музыкальной поэтики Б. Чайковского, как и мирозерцания в целом – свобода. С юных лет композитор понимал, что изображать, инсталлировать её – грех не менее страшный и саморазрушительный, нежели профанация веры в Бога или любви к своему Отечеству. Чайковский не верил в какую-то общую, унифицированную, кем-то разрешённую или управляемую свободу, борьбу за которую он полагал судьбоносным личным делом, как и обретение личного Бога. В этом его отличие от многочисленных инсталляторов свободы, объединявшихся не раз вокруг сиюминутных (модных или выгодных) идейных, корпоративных или околополитических ценностей и, к слову, с разных сторон, из полярных лагерей пытавшихся привлечь его на свою сторону. А Борис Александрович, оглядевшись, какими бы манящими (в чьих-то глазах) ни были всякого рода приманки, шёл своей, никем не хоженной дорогой, которую никому и никогда не предлагал в качестве магистрального пути. По естеству своего дара и воспитания он был убеждён, что громкая слава и триумфальный успех сковывают свободу честного художника, разрушают чистый, целомудренный творческий дух, его производные в сердце и уме. Это выстраданное по-

Юрий Абдоков
(Москва)

композитор, педагог. Музыкальное образование получил в РАМ им. Гнесиных под руководством профессоров Н. И. Пейко и Б. А. Чайковского. Профессор Московской консерватории им. П. И. Чайковского, кандидат искусствоведения. Художественный руководитель Международной творческой мастерской «Terra musica» (Россия – Германия – Италия). Автор исследований в области теории оркестрового письма, истории оркестровых стилей и музыкально-хореографического театра.

С дирижёром Кириллом Кондрашиным.

нимание своей свободы Борис Александрович оберегал, как святыню, и при этом никогда не навязывал другим. Нисколько не беспокоясь о борзописцах, он всё же с грустью и сожалением наблюдал, как подчас и серьёзные музыканты бьются озабочены всякого рода пьедесталами. Не помню, чтобы Чайковский кого-то осуждал за бессмысленную в его понимании суету. Но требования, предъявляемые им по отношению к себе, были вполне определёнными и неизменными. Поэтому все досужие размышления и сетования даже среди тех, кто искренне любит Бориса Чайковского и его музыку, о том, что великому композитору чего-то не додали, как-то недохватили его при жизни и после смерти, представляются мне гомерическими. Любить творчество художника – это ещё и стремиться разделить с ним толику его душевных, нравственных ориентиров.

Во всём, что касается профессии, вопросов чести Борис Чайковский – по меткому выражению его друга и консерваторского однокашника Карэна Хачатуряна – «человек-кремень, совершенно не способный к гибкости совести». За это, как и за всё, впрочем, необходимо платить. В чьих-то глазах Чайковский заплатил непомерно высокую цену за своё нарочито «негромкое» бытие в гулких лабиринтах «прекрасного и яростного века». Но что значит негромкое? Где и в каких высях звучит последний аккорд-взрыв из «Темы и восьми вариаций»? Над какими вели-

чественными пространствами разливается неизъяснимый, волшебный свет последних тактов «Ветра Сибири»? В какую надзвёздную вечность простирается «Далёкая дорога» из «Музыки для оркестра»? К какому сверхмыслимому источнику света устремлены зримо одушевлённые, очеловеченные партии Скрипичного концерта?.. Видит Бог, нет нужды печалиться о судьбе созданного Борисом Чайковским. Всё это на счету у вечности, где ничто не пропадает. Сожаление наше должно распространяться на нас самих, привязанных к попечениям суетного дня...

Тихим и погожим вечером 10 сентября этого года я пришёл поклониться Борису Александровичу и незабвенной Янине Иосифовне (почившей в 2013 году супруге композитора) на Ваганьково. Понял, что никто сегодня ещё не потревожил их блоковского («...бедный холмик травой порастёт...») покоя – ни сильные музыкального мира сего, ни гипотетические биографы... Вспомнил почему-то, как в морозный, прощальный февральский день, 20 лет назад, над горой замерзающих цветов нелепо красовался (иногое слово не подберу) венчик с врезавшейся в сознание, как некий метафизический оксюморон, надписью на ленте: «светлому гению русской музыки от Союза композиторов...» Да, Борис Александрович и был светлым гением русской музыки. Но сегодня об этом говорит... вечность.